

ГЛАВА 1

Стаська сидела на ступеньках подъезда, обхватив колени, и доказывала Зойке, что жизнь — боль, а школа — вообще открытая рана.

— Понимаешь, изо дня в день одно и то же! Во всём мире, ну, я не знаю, — весна, эпидемии, великие открытия, массовые галлюцинации... А у нас — алгебра третьим уроком по расписанию и родительское собрание четвёртую субботу каждого месяца. Наша учёба не связана с жизнью. Вообще никак! Мы зубрим неправильные глаголы, а кто из нас разговаривать по-английски умеет? Включая отличников? Мир накануне ядерной войны — а мы учим историю позапрошлого века и проходим дурацкие опросы для чужой статистики. И кто-то хочет убедить меня, что в этом есть смысл?

Зойка склонила голову набок и посмотрела на Стаську.

— Не согласна? — Стаська обиделась. — Ты считаешь, что я не права?

Зойка не ответила.

— Спасибо за поддержку! — Стаська с досадой дунула на чёлку. — Подруга называется!

День выдался солнечный — так не каждый год везёт, особенно тем, кто «первый раз в первый класс». На школьном дворе живыми гирляндами растянулись нарядные первоклашки. За их спинами выстроились шумные старшеклассники. Точно так же было в прошлом году. Ничего не изменилось. Ровным счётом ничего.

Стаська мрачно оглядывала всю эту праздничную суету, стоя в отдалении. Её, разумеется, не трогали ни восторженные речи, ни душевные песни. Что бы они все понимали в настоящих чувствах! Даже первоклашки. Чеканят заученные стихи с заученным выражением счастья на лице. Стаську передёрнуло от отвращения.

Что-то, правда, шевельнулось внутри, когда один из первашей, вместо того чтобы отбарабанить стишок, вдруг заплакал. Наверное, забыл слова — для первоклашки это ж позор! Ему потом всё-таки дали слово, уже после всех. Отлично, кстати, прочитал, Стаське показалось, что лучше всех. Только кто бы его слушал.

Ко входу потекла возбуждённая толпа. Чуть впереди Стаська заметила классную, Ольгу Владимировну — она сегодня сделала праздничную укладку.

Первое сентября, торжество-то какое! Стаська привычно втянула голову в плечи. Чтобы не отсвечивать.

Она развернулась и едва не вскрикнула от неожиданности. Прямо на неё смотрели чьи-то страшные глаза: выпученные, расфокусированные, с кровавыми прожилками. Хорошо, успела сдержаться, потому что в следующую секунду поняла, что глаза — нарисованные. Это футболка такая!

Она подняла взгляд на владельца футболки, ожидая увидеть примерно такую же рожу. Но глаза у парня оказались нормальные: серые, спокойные. Они сощурились в улыбке — видимо, он заметил Стаськин испуг.

Стаська смутилась. Потом разозлилась — зачем он так смотрит? Зачем наслаждается её смущением? Разве можно так одеваться в первый школьный день? Она ринулась мимо парня, по пути задев его плечом. Получилось будто намеренно, но Стаське было плевать.

Надо же, кто-то вырядился ещё безумнее, чем Стаська с её кожаной жилеткой и розовыми волосами. Вот и не надо её упрекать, куда ей до такой-то одежды...

Почти все скандалы, в которых оказывалась Стаська, разгорались из-за мелочей, и не по её воле! Причёска, одежда, украшения. Как будто розовые тени на веках влияют на количество двоек! А кожаный ошейник, конечно, говорит о том, что она на людей

кидается, как овчарка! Ну что ж, ожидания должны быть оправданы, и плохие ожидания прежде всего!

Иногда у Стаськи мелькала мысль о том, что на самом деле все, кто делает ей замечания, просто завидуют. Тому, что она хоть и с боем, но отвоёвывает право быть собой. Но разве же взрослые признаются в том, что на самом деле думают!

Она вздохнула.

— Я там пятно на всём классе, — сказала она Зойке. — А может, и на всей школе. Белая ворона. Почти как ты.

Зойка потопталась на месте. Она не ходила в школу. Не учила уроки. Потому что в самом деле была вороной. Правда, не белой, а чёрной. Но в хвосте у неё неизменно торчали два белых пера — как родимое пятно. Иногда они выпадали, и на их месте росли новые, тоже белые.

ГЛАВА 2

Стаська вошла в класс и уселась на своё место — последняя парта, у окна — и уронила голову на стол.

Вошла Ольга Владимировна. А за её спиной Стаська увидела того самого парня, с которым столкнулась вчера после линейки. Только теперь страшную рожу на футболке прикрывал лёгкий пиджак, а на шее

красовался платок с изображением Кукушонка Фиби. Стаська усмехнулась: смешной недотёпа Фиби — и страшилище под пиджаком? Стоит заценить!

— Знакомьтесь, ребята, это Костя. Он будет учиться в нашем классе.

Все приутихли. Костя стоял у доски. Спокойный и безмятежный. На лице полуулыбка. Глаза, словно камера, гуляют по лицам, ни на ком особо не задерживаясь. Нет, задержались: встретившись взглядом со Стаськой, он улыбнулся отчётливее и, кажется, чуть заметно кивнул. Или показалось?

После урока новенького окружили ребята. Стаська слышала обрывки разговора. Самого Кости за чужими спинами видно не было, но голос его звучал ровно. Приятный, надо заметить, голос. Да и отвечал Костя сдержанно и спокойно, без позы, без старательности — не стремился завоевать расположение с первого же дня.

Но, впрочем, новенький и новенький. Ничего особенного.

Сегодня Стаське надо было бы ещё встретиться с Мишкой. Они столкнулись прямо в коридоре — оказалось, шли проведать друг друга.

— Салют! Как сам? — спросила она.

— Норм. А ты?

Стаська неопределённо пожала плечами.

Мишка понимающе кивнул.

— А я с Максом чуть не подрался.

— Год толком не начался, а вы уже...

— Да пошёл он! Дундук! Шуток не понимает.

— Знаю я твои шутки. Особенно с Максом. Что на этот раз?

— Да-а... — Мишка неопределённо махнул рукой. — Максову бандану на Пушкина надел. Случайно.

— Прямо случайно? — усомнилась Стаська.

— Ну, в смысле, я не знал, чья это бандана. Вижу, чёрная тряпка какая-то лежит.

— На Максовом месте, — уточнила Стаська.

— Ну да. А Пушкину идёт. Белый такой гипсовый Пушкин в чёрной такой бандане. — Мишка хохотнул.

— Макс, конечно, не оценил.

— Нет. — Мишка вздохнул с притворным сожалением. — Орка могила исправит.

— Смотри, как бы тебя этот орк не придушил своей же банданой.

— Да ла-а-адно, — беспечно протянул Мишка. Он присел, чтобы завязать распутившийся шнурок.

И в это время мимо прошёл Костя. На этот раз даже не взглянув на Стаську. Её это почему-то неприятно кольнуло.

— Эй, слышишь меня?

Стаська внезапно осознала, что смотрит вслед новенькому.

— Я спросил: кто это? — Мишка уже завязал шнурок и теперь стоял рядом. И требовал ответа.

Стаська встряхнулась.

— Да никто. То есть он теперь в нашем классе учиться будет.

— Странно.

— Что странного?

— Да нет, ничего, это я так.

Мишка махнул кому-то рукой. Стаська обернулась и увидела давешнего первоклашку, забывшего слова на торжественной линейке. Тот помахал Мишке в ответ, но, поймав Стаськин взгляд, смутился и даже спрятал руку за спину.

— Ты его знаешь? — удивилась она.

— Его зовут Марик. Марк, если полностью, — ответил Мишка. — Познакомились вчера.

— Несчастный ребёнок, — мрачно сказала она. — Ещё не в курсе, во что ввязался. Одиннадцать лет каторги!

— Ты чего сегодня такая? — удивился Мишка.

— Сегодня? Я каждый день страдаю от бессмысленности жизни.

— Ты, мать, это брось. Во-первых, не оригинально. Полмира думает точно так же.

— Зато другую половину всё устраивает!

— Каждому своё, — философски заметил Мишка.

— А во-вторых?

— Во-вторых, бывают проблемы посерьёзнее. Как у него вот.

— У этого... Марика? — Стаська удивлённо кивнула на первоклашку.

Мишка кивнул.

— У него старший брат пропал. Марик расплакался вчера на празднике, все думали, что стихи забыл. Ну, какие тут стихи! Ему не до стишков.

— Подожди, как это пропал? И сколько лет брату?

— Не знаю точно. Школьник, кажется. Ну как люди пропадают? Ушёл гулять и не вернулся.

— Но его ведь ищут?

— Да, пока безрезультатно.

Стаська снова посмотрела на Марика. Тот сиротливо стоял у двери класса. Она не нашлась что сказать. Что обычно говорят в таких случаях?

Стаська спускалась с крыльца, когда её окликнула Дашка.

— Как тебе новенький? — спросила она, догоняя подругу.

— Такой же, как и старенькие, — буркнула Стаська.

— Я про него кое-что узнала. Он музыкант. Барабанщик. Но и поёт тоже.

— А что поёт-то?

— Н-не знаю. Не спрашивала. Он интересовался, есть ли у нас в школе группа. Ещё я его в школьный музей водила. И в спортзал.

— Прямо настоящую экскурсию устроила, — на-смешливо произнесла Стаська.

— Типа того. — Дашка иронии не заметила. — Даже учительскую показала.

— Тоже мне достопримечательность.

— Ну это да, — согласилась Дашка. — Ничего особенного, конечно. В отличие от Кости. Он такой классный!

Дашка Воробьёва жила со Стаськой на одной лестничной площадке. Раньше они дружили. Ну, как дружат во времена песочниц и качелей. Потом их пути разошлись. У Дашки появились репетиторы по всем предметам, большое пианино в гостиной и новые подруги. У Стаськи — первая гитара, первые кожаные штаны и неформатная музыка. Очень громкая музыка!

Этого следовало ожидать. Они жили разной жизнью. Хотя Стаська, помнится, переживала, когда Дашка на перемене хватала под руки других девочек и уходила с ними прочь от Стаськи. Когда впервые не позвала её на день рождения. Когда высмеяла её старый кнопочный телефон — а Стаське просто удобно ходить в школу с кнопочным, и смартфон у неё

имеется, они не нищоброды какие! Хотя с Дашкиной семьёй не сравнишь.

Есть семьи, следующие негласному кодексу «образцовых». Ребёнок в такой семье непременно посещает всякие развивашки, музыкальную или художественную школу, отличается примерным поведением и приносит отличные оценки. Раз в месяц, почти по расписанию, такая семья отдыхает на природе. Время от времени они вместе ходят в театр или на какую-нибудь выставку. Ездят отдыхать на море — ну, тут уж смотря по доходам.

И неважно, что театр им не так и нравится, и они спят на концертах, и ничего не понимают в современных картинах, и в лесу не отходят от машины и жуют чипсы. Галочки поставлены по всем пунктам соответствия правильной семье. Утюги, а не люди, думала про таких Стаська.

Вот и Воробьёвы были такой семьёй. Образцовой, платёжеспособной и скучной.

А потом Дашка неожиданно для всех послала подальше своих репетиторов, забросила в дальний угол ноты, радикально сменила гардероб и заявила родителям, что она теперь слушает исключительно немецкий индастриал, а хорошей девочкой ей быть надоело.

— А ещё я вегетарианец и пацифист! — добавила Дашка.

— Да, музыка точно... пацифистская такая, — заметил Дашкин отец.

Он иногда был не совсем утюгом.

Но главное — Дашка снова стала искать дружбы со Стаськой.

Стаська не протестовала, хотя близким человеком Дашку не считала.

Как ни странно, настоящих единомышленников Стаська встретила в школьной секции спортивной гимнастики. Вообще-то она хотела в секцию парашютного спорта, но туда брали только с шестнадцати лет. Ей очень нужно было прыгнуть с парашютом, чтобы...

Тут надо поподробнее. Стаська боялась высоты. Но считала, что этот страх надо убить. Как и все детские страхи, которые сначала просто страхи, а потом вырастают во внутренних монстров.

Она этот прыжок уже тысячу раз представляла себе так живо, что ноги дрожали и всё замирало внутри. Но она считала, что если прыгнет, то непременно станет другим человеком — сильным и неуязвимым.

А её завернули. Приходи через пару лет, девочка. И посоветовали хорошенько подготовиться, чтобы время зря не пропадало.

Спортивная гимнастика показалась Стаське подходящим занятием. Ну а что — координация, гибкость,

выносливость. Это и для прыжка годится, и по жизни лишним не бывает. Тем более секция работала прямо в их школе, далеко ходить не надо.

Так вот, она сидела на скамейке в раздевалке и ждала первую тренировку. И увидела девчонку примерно своего возраста. Та вошла, кинула на пол сумку, небрежно бросила «Привет!» насторожённой Стаське, очень быстро переделась и вышла...

...А через секунду вошла снова — вся сверкающая! Такое у Стаськи осталось впечатление. Нос, нижняя губа, брови, оба уха — везде гвоздики, штанги, цепочки, колечки. «Как только родители разрешили!» — восхищённо думала Стаська, разглядывая «королеву пирсинга». Девчонка знакомым движением сбросила сумку с плеча. Она была ещё в уличной одежде, и Стаська догадалась: близняшка! Сестра той, что уже скакала за дверью в спортивной форме. Но как же много у неё украшений! Разве они не мешают заниматься?

Она, наверное, уж слишком бесцеремонно пялилась, потому что девчонка сначала покосилась на неё, а потом повернулась. Стаська смутилась, но та неожиданно улыбнулась:

— Нравится?

— Ага! — кивнула Стаська. — Это дорого? Больно?

— Да и да, — ответила девчонка. — За деньги маме спасибо. Она у нас золото, всем бы такую. На тату,

правда, не соглашается. А боли я на самом деле ужасно боюсь. Каждый раз как через барьер. Но свои страхи надо приручать.

— Серьёзно? — Стаська даже подпрыгнула на скамейке. — Ты тоже борешься со страхами?

— Мы с Сашкой. Это моя сестра, ты её видела. Стаська кивнула. Так и есть — близняшки.

— У Сашки другая фишка. Она боится выступать. И не терпит, когда на неё смотрит много людей. Потому мы здесь. Любовь! — сказала она, протягивая руку.

— В смысле? — не поняла Стаська.

Девчонка засмеялась, сверкнув колечком в нижней губе:

— Зовут меня так. Любовь. Можно Люба. Сашка, ты не поверишь, тут ещё одна бесстрашная! — заорала она сестре, которая как раз заглянула в раздевалку.

Оказалось, Стаська и Люба с Сашей учатся в параллельных классах.

Мишка, который тогда не успел ещё перейти в их школу, выслушав Стаськин рассказ про сестричек, серьёзно кивнул:

— Ошибиться невозможно. Это наши люди. Бесстрашные.

Так они вчетвером и стали себя называть.

Стаську воспитывала тётка.

Хотя Стаська не была сиротой. Лет в шесть она пристала к тётке с расспросами о матери. Непонятно, что на неё тогда нашло. Тётка отмахнулась, но Стаська была ребёнком настырным. Она не отступала и в конце концов так достала тётку, что та согласилась отвезти её к маме.

К маме, Господи!

Если бы Стаська знала, чем всё закончится!

Дверь им открыла невысокая женщина. Она не ахнула беззвучно, захлопнув рот ладонью. Не кинулась к Стаське. И Стаська даже подумала, что они адресом ошиблись. Женщина стояла, переводя взгляд с неё на тётку, и лицо у неё становилось всё более растерянным. Секунду помолчав, тётка произнесла:

— Вот. Привезла.

Стаськина мама — Стаська всё-таки опасливо догадалась, что это была она, — приложила палец к губам и повернулась боком, пропуская их в грязноватую прихожую.

— Привезла, — повторила тётка.

— Кто там, Надя? — раздался мужской голос.

Мама растерянно оглянулась. В прихожую вышел лысоватый мужчина в майке, обтягивающей тугий живот.

— Это, Володя, ко мне... К нам. Сестра моя. С дочкой.

— С дочкой? — Дядя Володя, крикнув, присел на корточки перед Стаськой. — Ну, здорово, кнопка! Небось уже в школу ходишь? Радуеть мамку-то? Хороша дочка. — Он, одобрительно цокнув, поднял глаза на тётку.

Стаська хотела закричать, что он не понял, объяснить ему, чья она дочка, но внезапно догадалась: мама хотела, чтобы он понял именно так. Её пронзило мгновенным и острым стыдом. Чтобы не заплакать, Стаська сжала зубы и опустила голову, прижавшись спиной к тётке.

Мама напряжённо улыбалась. Тётка оробела и молчала. Неловкости не замечал один дядя Володя.

— Чего же мы на пороге стоим? А ну, девчата, и большие, и малые, проходите в дом. Надюш, ну ты сообрази там чего-нибудь на стол!

Все неохотно зашевелились, разуваясь, разыскивая тапочки, обмениваясь пустыми фразами.

Прибитой стыдом Стаське казалось, что сейчас лучше бы ничего не говорить. Мама провела их на кухню. Дождавшись, когда хлопнет дверь, выпустившая дядю Володю покурить, она повернулась к тётке.

— Это что? — блестя глазами, отрывисто спросила она.

— Анастасия, твоя дочь, — с ледяным спокойствием ответила тётка.

Обе посмотрели на Стаську. Потом вышли в комнату и прикрыли за собой дверь. Стаська слышала их приглушённые голоса, но не могла разобрать, о чём они там говорили. Наконец обе вернулись.

— Завтра уедем, — отрывисто сказала тётка.

Мать посмотрела на Стаську, губы у неё дрогнули, она отвернулась.

— Значит так, — через секунду, не оборачиваясь, ровным голосом сказала она. — Больше не приезжай. И ей скажи, чтобы не приезжала.

Она высморкалась.

— Я тебе денег дам, — не отнимая платка, в нос сказала она. — Сама сообразишь, что ей там нужно.

Всё это время она говорила про дочь так, будто той здесь не было.

— Спасибо. Нам... Мне — не нужно, — тихо произнесла Стаська.

— Ну-ну, — неопределённо сказала мать и поспешила на кухню, услышав хлопок входной двери.

Больше за весь вечер Стаська не произнесла ни слова. По дороге домой она тоже молчала.

А дома с ней сделалась истерика. Потом она несколько дней болела.

Кажется, тогда она и подружилась с Зойкой. Чёрной вороной с белыми перьями в хвосте.

Говорить по-человечески Зойка не умела, говорила по-вороньему. Зато умела понимать. И Стаська тоже её понимала. Так что если Стаська и могла называть кого-то другом, то это была Зойка.

И ещё, конечно, Мишка.

ГЛАВА 3

Так вот, про Мишку.

До того как у Стаськи окончательно оформилась мысль о прыжке с парашютом, она приучала себя к высоте как могла, специально лазала на спасательные вышки и чердаки многоэтажек. И вот однажды, забравшись на крышу одной из облюбованных высоток, она обнаружила мальчишку. Стаська очень удивилась:

— Ты что здесь делаешь?

Он угрюмо оглянулся.

— Сижу.

— Я догадалась.

Мальчишка сидел, обхватив руками колени. Штаны на щиколотках задрались, открыв посиневшие ноги. На улице и без того было ветрено, а уж на крыше...

— Это моя территория! — с вызовом сказала Стаська.